

Старинные немецкие песни, собранные Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано

Критике, по нашему мнению, вовсе не следовало бы на первых порах заниматься этим собранием: издатели составили и обработали его с такой любовью, прилежанием, вкусом и чуткостью, что соотечественникам остается только поблагодарить их — с участием, благожелательностью и сочувствием — за эти любвеобильные старания. Книжечка эта по праву должна находиться в каждом доме, где обитают живые люди, — на окне или под зеркалом, словом в тех местах, куда обычно кладут псалтырь и поваренные книги, так, чтобы ее можно было раскрыть в любую минуту хорошего или дурного настроения, всегда находя в ней что-нибудь созвучное или волнующее, хотя бы для этого и понадобилось перелистать страницу, другую.

Но больше всего этой книге подходит лежать на рояле любителя или мастера музыки, для того чтобы содержащиеся в ней песни могли с полным правом снова слиться с издавна принятыми, хорошо знакомыми мотивами или же петься на другие подходящие мелодии, а если богу будет угодно, вызывать к жизни и новые замечательные напевы.

И если впоследствии эти песни с их оригинальным ладом и строем, переходя от уха к уху, из уст в уста, ожившие и обретшие новую прелесть, стали бы постепенно возвращаться к народу, из недр которого они до известной степени вышли, то мы могли бы сказать, что эта книжечка исполнила свое назначение, и теперь, как труд написанный и напечатанный, спокойно может снова исчезнуть, перейдя в плоть и кровь нации.

Но так как в новейшие времена, особенно в Германии, по-видимому, ничто не может существовать и оказывать влияние без того, чтобы о нем не писали и опять не писали, не судили и не рядили, то пусть же здесь и об этом собрании будет высказано несколько мыслей, которые если не увеличат и не расширят доставляемого им наслаждения, то, по крайней мере, не станут и умалять его.

Если есть за что воздавать честь и хвалу этому собранию, так это за то, что все его части в высшей степени разнообразны и характерны. В нем содержится больше двухсот стихотворений, возникших за три последних столетия, и все они настолько друг от друга разнятся по смыслу, по тону, по замыслу, по способу изложения, что не сыщешь здесь и двух песен, похожих одна на другую. Мы возьмем на себя благодарный труд охарактеризовать их все подряд, так, как они представились нам с первого взгляда.

«Чудесный рог» (стр. 13). Много чудесного, детского, добродушного.

«Дочка султана» (15). По-христиански мягко, очаровательно.

«Тель и его дитя» (18). Справедливо и честно.

«Бабушка-змееедка» (19). Глубоко, загадочно, драматически превосходно обработано.

«Видение Исайи» (20). Варварски-величаво.

«Заклинание огня» (21). Вполне по-разбойничьи, без всякой фальши.

«Бедный толстяк» (22). Капризно, весело, задорно.

«Смерть и девушка» (24). Подобно пляске смерти, как бы резцом по дереву, достойно всяческой похвалы.

«Ночные музыканты» (29). Чудаковато, безудержно, восхитительно.

«Упрямая невеста» (30). Юмористично, несколько причудливо.

И т. д.[1]

Этой слишком беглой характеристикой — но как возможно сделать ее другой? — мы не думаем предвосхищать чьего-либо мнения, меньше же всего мнения тех, кто сам умеет испытывать лирический восторг и с учащенно забившимся сердцем постигает стихотворения несравненно глубже, чем это возможно при лаконической характеристике, определяющей бо?льшую или меньшую значительность произведения. А теперь да будет нам дозволено сказать еще несколько слов о достоинствах целого.

Подобные стихотворения мы с давних пор привыкли называть народными песнями, хотя они, в сущности, никогда не слагались народом или для народа, а лишь имеют в себе нечто почвенное и мощное, легко усваиваемое и культивируемое наиболее здоровой и сильной частью нации, способной к их восприятию. Эти стихотворения являются самой подлинной поэзией, какая только может существовать даже для нас, хотя мы и стоим на более высокой ступени развития. В них таится непреодолимое очарование, подобное тому, какое имеет

для стариков образ юности и юношеские воспоминания. Здесь искусство в конфликте с природой, и кажется, что именно эта борьба, это становление, взаимодействие и этот порыв сообща устремились на поиски известной цели и уже обрели ее. Подлинно поэтический гений, в чем бы он ни проявлялся, закончен в себе; пусть на его пути возникают препятствия в виде несовершенства языка, слабой внешней техники и тому подобного, — он владеет высшей, внутренней формой, а ей в конце концов подчиняется все; даже в темной и мутной стихии он творит часто не менее совершенно, чем впоследствии в ясной. Живое поэтическое восприятие ограниченного состояния возвышает частное до, правда, имеющего известные пределы, но все же не ограниченного общего, так что нам кажется, будто здесь, на маленьком пространстве, воссоздан целый мир. Требования глубокого созерцания обуславливают лаконизм; то, что в прозе казалось бы безоговорочной чепухой, представляется подлинно поэтическому восприятию необходимостью и достоинством, и даже нелепостью, коль скоро она взывает со всей серьезностью к нашим сокровенным силам, не может не побудить их к деятельности, полной неизъяснимых наслаждений.

Прибегнув к вышеприведенной характеристике отдельных вещей, мы счастливо ускользнули от их классификации, которая, быть может, удастся нам лучше в будущем, когда окажутся собранными воедино многие из этих подлинных и значительных, глубокопочвенных песен. Не скроем, однако, своего предпочтения к тем из них, в которых лирический, драматический и эпический элементы настолько переплетаются, что с первого взгляда эти песни кажутся загадкой, которая только позднее более или менее разрешается, чаще всего в эпиграмматической форме.

Известное: «Чьей кровию меч ты свой обагрил, Эдвард, Эдвард?» — является, особенно в оригинале, лучшим из всего, что мы знаем в этом жанре.

Нам остается только пожелать, чтобы издатели, ободренные успехом, вскоре составили еще один том из обширных запасов своего собрания и уже имеющегося печатного материала. При этом мы, разумеется, посоветуем им всячески остерегаться пустыньких напевов миннезингеров, плоскости и пошлости мейстерзингеров, а также всякого поповства и педантизма.

Если издателям удастся осуществить и вторую часть этого собрания, надо будет попросить их отыскать такого рода песни и у других наций (их больше всего у англичан, меньше у французов, у испанцев они носят несколько иной характер, у итальянцев же почти совсем не встречаются), чтобы затем опубликовать их в оригинале, а также в уже имеющихся или же ими самими сделанных переводах.

Если мы усомнились в самом начале в компетентности критики, даже в высшем смысле этого слова, судить об этой работе, то здесь мы тем более считаем неуместным детально исследовать, насколько все, что нам преподносится в этой книге, является подлинным или же только более или менее удачно реставрированным.

Издатели прониклись духом старины в той мере, в какой это доступно человеку более позднего времени; и мы должны с благодарностью принять даже то, что нам кажется реставрированным несколько странно или составленным из разнородных частей и даже искусственно притянутым. Кто не знает, что? претерпевает песня, переходя из уст в уста в народе — и притом не только среди простолюдинов? Почему же тот, кто ей дает последнюю редакцию, должен быть лишен права ее обрабатывать? Ведь у нас не сохранилось от прежних времен ни одной поэтической или священной книги, кроме некоторых случайных записей писцов и переписчиков.

Но если мы и в этом смысле относимся к лежащему перед нами отпечатанному томику с величайшей благодарностью и терпимостью, то мы тем настоятельнее хотим внушить издателям сознание необходимости содержать свой поэтический архив в чистоте и в строжайшем порядке. Бесплодно печатать решительно все, но издатели окажут значительную услугу нации, способствуя составлению летописи нашей поэзии и поэтической культуры, сделанной столь основательно, непредвзято и талантливо.

Комментарии

Рецензия Гете, напечатанная в 1806 году в «Иенской всеобщей газете», посвящена сборнику народных песен, составленному писателями-романтиками Ахимом фон Арнимом (1781–1831) и Клеменсом Brentано (1778–1842). В молодости Гердер обратил внимание Гете на значение народных песен как истоков всякой поэзии. С тех пор интерес Гете к народному творчеству не иссякал. Однако Гете отнюдь не склонен был преувеличивать значение собственно народного творчества и считал с художественной точки зрения правильным подвергать обработке старинные произведения. Статья содержит важные суждения Гете о поэзии и ее «внутренней форме».

А. Аникст

Примечания

¹ Далее следует несколько страниц столь же кратких характеристик, дающих оценку всем стихотворениям данного сборника, которые нами опущены. — Прим. ред.